

и синтаксического уровней является эффективным способом воздействия на аудиторию. Во-вторых, определение способов передачи указанных смыслов и соответствующих языковых и речевых средств продолжает оставаться в каждом конкретном случае большой переводческой проблемой, которой занимался, как известно, целый ряд известных лингвистов и переводчиков, среди которых следует упомянуть такие имена, как В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, И. С. Алексеева.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что при переводе политического текста задачей переводчика становится максимальное сохранение индивидуального стиля автора и метафорического образа, прибегая при этом к таким трансформациям, которые позволят сохранить коммуникативный эффект соответствующего высказывания и его системную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еемерен, Франс Х. ван.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискурса, направленная на разрешение конфликта мнений / Франс Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб. : Нотабене, 1992. – 157 с.
2. *Иванова, Т. Ф.* Персуазивность как функциональная характеристика публичной речи и ее составляющих / Т. Ф. Иванова // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов МГЛУ, 21–22 апреля 2009 г.: в 5 ч. – Минск : МГЛУ, 2010. – Ч. IV. – С. 132–135.
3. *Демьянков, В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>. – Дата доступа : 01.03.2015.

This article investigates linguapragmatical means of argumentation in political discourse and their translation into the Russian language. The author distinguishes main stylistic means at the lexical level (metaphors, epithets, lexical repetition) and syntactic level, suggests ways of metaphors and syntactic parallelism translation, taking into account the basic pragmatic purpose of the political discourse translation.

О. В. Кабецкая
Минск, МГЛУ

СУПЕРСТРУКТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается суперструктура текстов постановлений, декретов, указов Президента Республики Беларусь и актов парламента Соединенного Королевства, которая была установлена с помощью сопоставительного анализа. Автор выделяет стандартную прототипическую структуру законодательных документов и описывает ее компоненты и субкомпоненты.

Одной из характерных особенностей законодательного подстиля является стандартизованность, которая проявляется не только на синтаксическом или стилистическом уровнях, но также присуща и семантической структуре законодательных актов. Соблюдение последовательности при составлении текстов письменных жанров юридического дискурса (законов, указов, декретов, постановлений и т.д.) является необходимостью, поскольку, с одной стороны, это сводит к минимуму случаи двоякого толкования, вызванные неправильным выбором языковых средств, а с другой – делает данные документы однородными и тем самым повышает их качество [1; 2].

В юридической практике существует установленная структура законодательных актов, которой придерживаются при нормотворчестве. Так, русскоязычные документы включают следующие компоненты:

- 1) преамбула, в которой сообщаются причины и цель принятия данного закона;
- 2) нормативное содержание, или постановляющая часть, которая подразделяется на части, статьи и пункты и содержит основной текст закона;
- 3) указание на последствие нарушений, в которой либо указывается конкретная санкция, либо констатируется наказуемость за нарушение данного закона;
- 4) указание на нормативные акты, подлежащие отмене;
- 5) указание на порядок вступления в силу [1].

Британские документы состоят из таких частей, как:

- 1) полное наименование закона и цель;
- 2) дата получения королевской санкции;
- 3) основная часть закона, подразделяющаяся на секции, подсекции, пункты и подпункты и включающая основное содержание закона;
- 4) интерпретация, в которой даны определения понятиям, встречающимся в тексте;
- 5) вступление в силу [3].

В результате анализа 40 законодательных текстов было установлено, что все они построены в соответствии с данной структурой. Анализ также показал, что прототипическая структура первичных документов практически полностью повторяет композиционную структуру данных текстов. Так, суперструктура русскоязычных законодательных документов включает 5 компонентов: *введение, нормативное содержание, последствия нарушений, отмена нормативных актов и порядок вступления в силу*. В состав англоязычных текстов входят следующие компоненты: *полное наименование и цель, основная часть, интерпретация, вступление в силу*. Указанные выше части далее подразделяются на субкомпоненты, тем самым позволяя построить суперструктуру текстов постановлений, указов, декретов и актов парламента.

Так, в русскоязычных текстах компонент *нормативное содержание* можно разделить на следующие субкомпоненты: *резюме (90 %), лица,*

подпадающие под действие закона (55 %), обязанности (50 %), права (45 %), ответственные за исполнение (35 %), порядок исполнения (30 %), предмет закона (30 %), определения (20 %).

В составе компонента *указание на последствие нарушений* выделяются такие компоненты, как *ответственность* (30 %), поясняющая, какое наказание может повлечь неисполнение закона, и *контроль исполнения* (60 %), дающий полномочия определенным органам контролировать выполнение предписанных норм. Субкомпонент *ответственность* далее подразделяется на следующие элементы: *органы, назначающие наказание* (10 %) и *сроки наложения взыскания* (10 %).

В компоненте *указание на нормативные акты, подлежащие отмене* не всегда сообщается только об отмене определенных законов. Очень часто в него также включаются субкомпоненты *внесение изменений* (55 %), *ответственные за внесение изменений* (40 %), *право толкования* (30 %).

Последний компонент *указание на порядок вступления в силу* состоит из обязательного элемента *вступление в силу* (100 %), а также в некоторых случаях в нем указывается *срок действия* (15 %).

Ниже представлено распределение компонентов суперструктуры законодательного акта на русском языке (рис. 1):

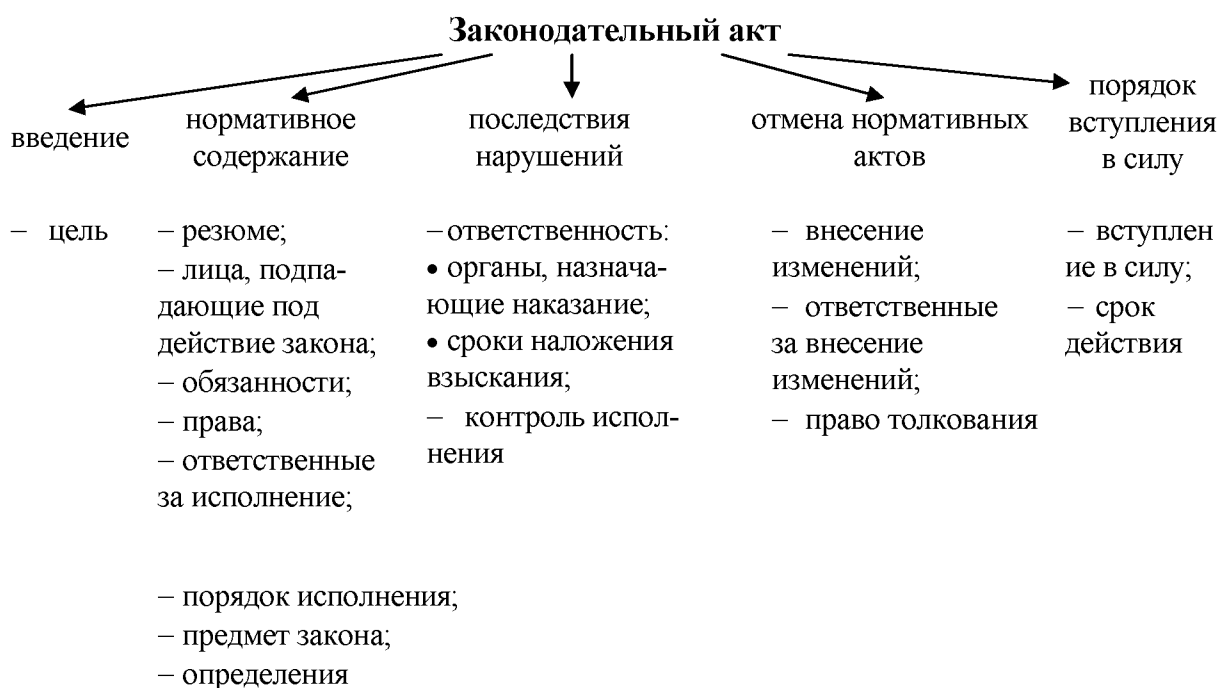

Рис. 1. Распределение компонентов суперструктуры законодательного акта (русский язык)

Англоязычные законодательные тексты состоят из четырех частей. В составе первой части закона (*полное наименование закона и цель*) входит только компонент *цель* (60 %) и дата, которая сообщает, когда данный акт получил королевское одобрение.

Наиболее структурно нагруженной является *основная часть* закона, разделы которой содержат всю информацию о новом законе. В ее состав входят 13 компонентов, но все они имеют тенденцию появляться в определенном порядке, сообщая вначале более общую информацию, и только затем более детальную. В связи с этим данную часть закона можно условно разделить на две: вводную и главную. Во вводной части компоненты *предмет закона* (50 %) и *определения* (85 %) дают обзор всего документа, сообщая об изменениях или нововведениях в действующем законодательстве. В главной части присутствуют следующие субкомпоненты: *обязанности* (75 %), *лица, подпадающие под действие закона* (55 %), *внесение изменений* (50 %), *права и полномочия* (45 %), *порядок исполнения* (30 %), *ответственность* (45 %), *сфера действия* (25 %), *согласование с другими законами* (20 %), *написание руководства* (25 %), *контроль исполнения* (20 %), *пересмотр* (10 %). Все перечисленные компоненты не встречаются одновременно в одном тексте. Как правило, это комбинация из 5–7 элементов.

Третья часть, *интерпретация*, которая содержит в себе толкования понятий, встречающихся в тексте, не является обязательной, поскольку встретилась только в 45 % проанализированных текстов. Это связано с тем, что в некоторых случаях определения предоставляются в основной части закона.

Последняя часть включает в себя три компонента: *краткое название* и *вступление в силу*, которые являются обязательными, а также элемент *территория применения* (15 %), указывающий в какой части Соединенного Королевства закон имеет силу.

Приведенный ниже рис. 2 наглядно демонстрирует распределение компонентов в англоязычных текстах.

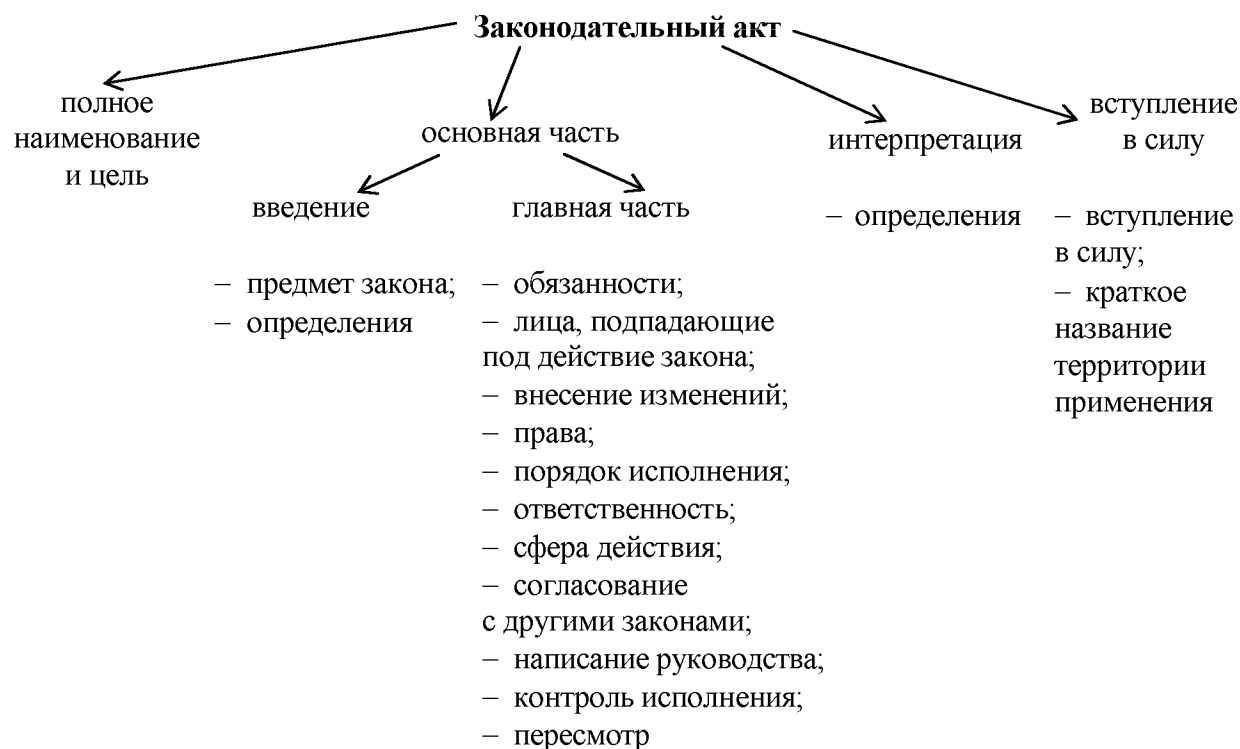

Рис. 2. Распределение компонентов суперструктуры законодательного акта (английский язык)

Таким образом, англо- и русскоязычные законодательные акты имеют стандартную, логичную и последовательную схему построения, сложившуюся в результате многолетней практики и позволяющую правильно создавать законы и работать с ними. Тем не менее сопоставительный анализ суперструктур текстов данного жанра показывает, что русскоязычные тексты отличаются от англоязычных по количественному составу и дистрибуции компонентов и субкомпонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власенко, Н. А.* Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск : Восточно-Сибирск. книжн. изд-во, 1997. – 176 с.
2. *Mellinkoff, D.* The language of the law / D. Mellinkoff. – Oregon, Eugene : Wift and Stock Publishes, 2004. – 526 p.
3. *Bhatia, V. K.* Analysing genre: Language use in professional settings / V. K. Bhatia. – Longman : London & New York, 1993. – 246 p.

This article shows the results of comparative analysis of British and Belarusian legislation. The author's aim is to describe and compare the superstructure and components of legislative acts in the English and Russian languages.

Е. А. Калюта

Минск, МГЛУ

ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИКИ (на материале конференций TED TALK)

Данное исследование посвящено теме публичных выступлений в контексте современной и классической риторики. Рассмотрено понятие *риторика*, ее цели и задачи в античности и современности, а также приведены примеры использования различных риторических средств и приемов на основе анализа конференций TED TALK.

Риторика – наука о «канонах» влияния на аудиторию, одна из самых древних наук на земле. Ей примерно 2 500 лет. Слово *риторика* произошло от греч. *Rheo* ‘говорю, лью, теку’. Производное от него *rhetor* означало ‘ритор, оратор’. Это слово дало название науке «риторика», ‘искусство ораторской речи’.

Публичная речь традиционно является главным объектом риторики. В античные времена ораторский монолог был мощным инструментом общественно-политического влияния, а обучение ораторскому искусству составляло важную часть образования.

Расцвет ораторского красноречия приходится на XVIII и XIX вв., когда риторическое мастерство считалось необходимым компонентом общественно-политической деятельности, а выдающиеся ораторы пользовались огромным